

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: 100 ЛЕТ НАЗАД

В.М. Шевырин

К ОСМЫСЛЕНИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Шевырин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Русская литература вышла из гоголевской «Шинели», а новейшая мировая история – из Первой мировой войны. Мир широко и тревожно отмечает 100-летие войны потому, что он родом из «1914 года». В современных международных отношениях слишком много «горючего материала» и того, что имеет пугающие параллели в истории «сиамских близнецов» – двух первых глобальных конфликтов. Некоторые аналитики даже считают, что в мире снова запахло большой войной. Однако прецеденты Первой и Второй мировых войн двусмысленно-амбивалентны: фатальной неизбежности их не было, но они стали свершившимся фактом. У. Черчилль, например, писал, что «по окончании мировой войны 1914 г., почти все были глубоко убеждены и надеялись, что на всем свете воцарится мир». И он сам считал, что «сокровенное чаяние всех народов легко можно было осуществить, твердо отстаивая справедливые убеждения и проявляя необходимый здравый смысл и благоразумие» [53 с. 19].

Но прежде чем здравый смысл и благоразумие проявили себя, все народы в начале мировой войны пережили «медовый месяц» патриотического воодушевления, горячо поддержав своих правителей, которым действительно не доставало ни того, ни другого, когда они решились на роковой шаг. Им не доставало и многих других положительных качеств. Зато с лихвой было политического легкомыслия, эгоизма, корысти, неоправданных иллюзий. Только в ходе войны к народам приходило «отрезвление», отвращение к ней, которое в конце концов стало одним из решающих факторов прекращения этой бойни.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00061.

Тем не менее через два десятилетия произошел «исторический реверс», и разразилась еще более страшная мировая война, после которой человечество впервые в своей истории потеряло свой бессмертный «статус», став заложником атомного «прогресса» и «игры» политических сил.

Ныне многие исследователи, в сущности вслед за маршалом Фошем, отреагировавшим на подписание Версальского мирного договора провидческой фразой: «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет», рассматривают Первую и Вторую мировые войны в одном историческом цикле. Они датируют его окончание 1945 годом. И с ними можно было бы согласиться, если бы против этого не восставал глубокий внутренний смысл Первой мировой войны, который не приемлет «ограничения» ее последствий такой датой. Он претендует на большее, расширяя пределы своего воздействия вплоть до современности и даже устремляя свой вектор в будущее мировое развитие.

Подобно уэллсовской невидимке, этот смысл реален, но «невидим», точнее, не приобретает в сознании людей своего истинного значения. Это вовсе не говорит о том, что вообще не предпринималось никаких попыток понять смысл войны. Напротив, такие попытки делались чуть ли не с августовских дней 1914 г. и словосочетание «смысл войны» было в большом ходу в публицистике и даже выносилось в заголовки статей и книг. Им часто пользовались корифеи, элита российской интеллигенции. Н.А. Бердяев писал, что «когда разразилась война, люди и народы не могут не ставить вопроса о смысле войны, они пытаются ее осмыслить...» [5, с. 226]. И он утверждал, что «можно увидеть глубокий смысл мировой войны, глубокие ее основания, несоизмеримые со злой волей правительств или господствующих классов». Но он лишь констатировал, что «в глубоком слое жизни совершается что-то значительное и знаменательное, осуществляется смысл, торжествует сложными, мучительными, часто незримыми путями разум истории» [6]. И П.Б. Струве признавал новый, трагический отсчет времени, который начала война: «Произошла историческая катастрофа. Волны истории несут нас к новым берегам» [47]. Ему вторил С.Н. Булгаков: «Мы катастрофически вступаем в новый период истории» [31]. Стремилась постичь смысл войны Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк [49; 50] и другие «властители дум».

Однако «докопаться» до внутреннего смысла войны в самом ее начале было делом практически невозможным. Трудность «фиксации» его была обусловлена прежде всего самой новизной явления войны как мирового, глобального феномена. Характерно, что в 1914–1918 гг. ее чаще всего называли «европейской», «великой», «Отечественной», т.е. давали определения войны «по старинке», – те, которые «бытовали» уже в XIX столетии. Этот смысл терялся и в «многозначности», – у каждой из воюющих сторон он был свой и определялся ими в зависимости от целей, которые они ставили. Н.А. Бердяев полагал, что война имеет свой смысл, но он не в том, в чем его

видели борющиеся стороны. Война означает конец целой исторической эпохи и начало новой. Глубокий смысл мирового конфликта мог видеться, как и всё большое, лишь на расстоянии, только тогда, когда оттремят пушки на полях сражений, будут подведены итоги войны и обозначатся ее последствия для судеб мира. Однако случались и прозорливые откровения в отношении грядущего. Бывший московский городской голова князь В.М. Голицын 12 августа 1914 г. занес в свой дневник: «Мы присутствуем при небывалом еще повороте истории. Надо сказать себе, что каков бы ни был исход войны, а впоследствии потом “переоценка ценностей”, говоря современным языком, вся жизнь, частная и общественная, весь строй ее пойдет по другому руслу, не имеющему ничего общего с прежним». И позже он добавил, что «это событие “переиначит всю картину мира”, и “всё переменится, всё преобразуется, всё получит новый вид и новые формы”»¹. Через несколько лет эти пророчества стали реальностью. В мае 1919 г. известный общественный деятель Н.И. Астров говорил: «На нашей старой планете происходят небывалые потрясения и сдвиги. Нашему поколению, нам, приходится быть свидетелями и участниками великих превращений... Разрушаются царства, падают веками утвержденные троны. Народы пришли в движение и великое беспокойство. Старые уклады изменились, привычки и обычаи, которые слагали жизнь человечества в веках, порвались, как истлевшие нити ткани. Среди этих потрясений изменились и основы человеческого духа. Мы не узнаем людей, видя в них новые движущие начала, и не видя старых, дорогих черт. Мы трепещем и волнуемся, вглядываясь в окружающее нас бушующее море и нависшие над миром кровавые туманы... Мировая война произвела потрясения и сдвиги. Она разрушила старую жизнь, разрушила стены и преграды... Человечество вступает в новую эру»².

Из этих «кровавых туманов» в «новую эру» выплыла и Вторая мировая война, и ожидающая своего часа на «скамейке запасных» гипотетическая Третья. По крайней мере многие историки резонно считают, что человечество, вступив в годы Первой мировой войны в новое историческое измерение, не прошло до конца этот цикл. По мнению академика Ю.А. Полякова, и ныне «выстрел в одной стране может всколыхнуть регион и охватить весь мир» [28, с. 11].

В сущности, война 1914–1918 гг. стала первым звеном в короткой цепи мировых войн, отражающих общее турбулентное состояние современной цивилизации, ее стремительно глобализирующееся обличье.

1. ОР РГБ. Ф. 75. П. 31. Л. 107, 157.

2. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 26–27.

О неизбежности большой войны шумела вся европейская печать, особенно во время балканских кризисов и войн. В Западной Европе мало кто предвидел, какой будет эта война и к чему она приведет. Но один из таких провидцев, еще молодой тогда У. Черчилль, предрекал в Палате общин в 1901 г., что «войны народов будут ужаснее, чем войны королей». В начале августа 1914 г. народы европейских держав с патриотическим восторгом поддерживали своих «королей», начавших мировую войну. А через несколько лет те же народы яростно выступили против войны и расправились со своими «королями». Такая «метаморфоза» произошла потому, что война народов 1914–1918 гг. была действительно ужаснее любой войны королей и по многомиллионным жертвам, и по беспрецедентным тяготам населения стран, участвовавших в ней, и по далеко идущим последствиям. Первая мировая война знаменовала собой новое состояние мира.

«Непостижимый» по своим масштабам размах этого вооруженного конфликта, втянувший в свою орбиту 38 государств, был в огромной степени обусловлен стремительным развитием в конце XIX – начале XX столетия промышленности, торговли, финансовой сферы, техники, транспорта, средств связи, науки и культуры, породившим диалектическое противоречие между растущей взаимосвязью различных государств друг с другом и обострением конфликтов между ними на почве противостоящих национальных интересов.

Этот процесс был глобальным. Потому и война стала мировой, т.е. глобальной. Термин «глобализация» в ту пору практически не использовался, хотя многие современные авторы усматривают элементы глобализации даже в истории древних и средневековых империй. Эти исследователи рассматривают глобализацию в широком смысле, как долгий и противоречивый путь человечества к единству, начатый еще в незапамятные времена. Это объективная, истинная глобализация, это сама поступь истории. «Изобретателем» термина «глобализация» в литературе называется К. Маркс, упомянувший это слово в письме к Ф. Энгельсу в 1851 г., применительно к торговле. Специалисты, рассматривающие глобализацию в «узком смысле», с 1960-х годов XX столетия творцом этого термина чаще всего считают американского экономиста Т. Левитта, в 1983 г. разразившегося статьей «Глобализация рынков».

Современность связана трагическими узами с Первой мировой войной – там истоки первобезумия человечества, возможности его самоуничтожения и там зародыш той планетарной борьбы за новый миропорядок, новейшая фаза которой разворачивается на наших глазах. Потому так вселенски и отмечается ныне вековая годовщина начала этого исторического обвала. В прошедшее столетие, в этот затянувшийся акт «дьяволова водевиля», «философия истории» из тиши кабинетов и прожектов политиков шагнула в практическую жизнь, апробируя различные схемы мироустройства в гран-

диозных, глобальных масштабах. И это практическое, хотя и крайне политизированное «осмысление» истории, решительные попытки осознанно влиять на мировой исторический процесс, так сказать, ухватить гегелевского «мирового духа» за «бороду» и принудить служить себе, явились из войны 1914–1918 гг. Самоубийственная внутренняя и внешняя политика элит, выпустивших на волю демона войны, привела к суициду империй, повлекшему за собой как бы «искусственное» и искаженное ускорение хода мировой истории, вторжение на ее арену радикально-насилованных «парадигм» мирового развития. «Образцы» нового миропорядка, густо настоянные на конфронтационных идеологиях, которые вызревали в годы войны и ее версальских последствий, начали активно «продвигаться» в жизнь. Исторический процесс пошел по «ускоренному», но очень «затратному», не эволюционному пути. «Смертный грех» государственных деятелей эпохи Первой мировой войны состоял в том, что они руководствовались старыми подходами к решению назревших проблем нового, преобразующегося мира. И этот мир «взорвал» империи, их политическая оболочка не выдержала его бурлящей новизны. Человечество «поскользнулось» тогда на отставании сознания элит европейских держав от стремительно преобразующейся реальности.

О. Бальзак после наполеоновских войн восклицал: «Довольно с нас великих войн, мне кажется наступило время великого мира». С тех пор пролитое много крови в еще более великих войнах и развеяны в прах многие иллюзии. Но теперь его афоризм приобретает императивно-модальное звучание, ибо уже грозно встает перед мировым сообществом роковой вопрос: «Быть или не быть?»

Однако не случись войны 1914–1918 гг. такая дилемма могла бы и не возникнуть. И вся история XX столетия была бы иной. История, вопреки пространственному мнению, очень толерантна к сослагательному наклонению. Она только и жива тем, что тасует множество своих вариантов, и наконец, останавливается на том, который всем известен. Прелюдия войны, в которой явственно проступали мирная и немирная тенденции или «варианты», «вписывается» в общий глубокий внутренний смысл войны.

Факты показывают, что олицетворением мирной тенденции объективно была Россия, которая нередко брала на себя такую миссию, увлекаемая самим ходом событий. Это проявилось еще на начальной стадии образования Антанты.

Союз России и Франции, сдерживая размахисто-агрессивную Германию и ее сателлита Австро-Венгрию, обеспечивал равновесие сил в Европе и ее покой. Этот зародыш Антанты стал следствием изменения баланса сил в Европе. В 1864 г. Пруссия одолела Данию, отняв у нее Шлезвиг-Гольштейн, в 1866 г. нанесла поражение при Садовой Австро-Венгрии и «деликатно» склонила ее на свою сторону, в 1870 г. сокрушила Францию, навязав ей после

Седана тяжкий Франкфуртский договор. В 1871 г. в Версальском дворце прусский король был провозглашен императором только что созданного нового германского рейха. От отношений Германии и России повеяло холодом. Прусские победы и образование Германской империи вызывали у многих тревогу. Военный министр Д.А. Милютин писал: «Могло ли быть выгодно... для России образование новой могущественной державы среди европейского континента?... в русском обществе большинство людей мыслящих создало опасность, грозившую нам в будущем» [27, с. 46].

Такой ход событий вызвал необходимость введения в России всеобщей воинской повинности и проведения других военных реформ. Дипломатия Бисмарка на Берлинском (1878) конгрессе, пересмотревшего многие положения Сан-Стефанского мира (1878), который венчал русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и был выгоден для России, добавила неприязни в русско-германские отношения и поколебала Союз трех императоров (1872–1887). Канцлер А.М. Горчаков, вернувшись с конгресса, направил записку Александру II, начав ее с фразы: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере». Царь приписал на ее полях: «И в моей тоже». В 1879 г. Бисмарк и Андраши подписали договор о союзе. «Лоскутная империя» вызывала у российских монархов досаду тем, что она все активнее проявляла себя на Балканах, вторгаясь в сферу «славянских» интересов России. Все очевиднее проявлялись и экспансионистские устремления Второго рейха. «Железный канцлер» лелеял мечту окончательно сокрушить Францию. В 1887 г. он было занес свой меч над ней. Но был остановлен Россией, так как поражение Франции совершенно изменило бы «конфигурацию сил» в Европе, ослабило бы позиции России. Бисмарк был крайне раздражен таким поворотом дел. Любопытно замечание Ф. Энгельса, относящееся ко времени этого кризиса: «Тот, кто выступил бы первым, спровоцировал бы всеобщую мировую войну» [26, с. 261]. Если это так, то Россия своим миротворчеством предотвратила мировой пожар.

Несмотря на эпизодические осложнения отношений России и Франции, они все более сближались и в 1893 г. заключили военно-политический союз. Сознание слабости России, особенно перед растущей мощью Германии и возможностью оказаться в международной изоляции, во многом определяло курс царской дипломатии на союз с Францией. Он был необходимым и взаимовыгодным: Франция обрела в нем защиту от жгучего желания кайзера добить ее, устроив ей новый Седан, а Россия получила не только военный «контрфорс», но и финансовый, и дипломатический. Заключая уже при Николае II союз с Англией, Россия преследовала мирные цели: российский император был убежден, что Вильгельм II не рискнет напасть на могучее «сердечное согласие».

В самом конце XIX в. Россия заявила о себе как о главном поборнике мира на планете. Царь стал инициатором созыва I Гаагской мирной конференции (1899). Его предложение вызвало сочувствие иностранных держав, выразивших ему благодарность за «почин к упрочению всеобщего мира» [12, с. 161]. В конференции приняли участие 26 государств, представители которых рассматривали вопросы ограничения вооружений и обеспечения мира. Конференция стала как бы предтечей Лиги Наций и ООН. Миротворческая роль российского монарха увековечена в ООН: в одном из ее помещений стоит бюст Николая II. В определенной степени он выразил тревогу многих людей во всем мире невиданной гонкой вооружений, все большей смертоносностью орудий войны, превращением Европы в пороховой погреб. С.Ю. Витте при встрече с царем поздравил его с тем, что он принял на себя почин «великого и благородного дела». С.Ю. Витте видел «величайшую заслугу государя» в том, что он возбудил вопрос о мирном разрешении всех недоразумений между народами. Он считал «величайшим благом для Европы в частности и для всего мира вообще, если будет положен предел вооружению, если наконец люди и государства поймут, что от вооруженного мира народы страдают не менее, нежели от войны». Но сам Витте был полон скепсиса: «Потребуется столетия для того, чтобы идея о мирном разрешении всех недоразумений между народами вошла в практический обиход» [12, с. 160–162].

Но Николай II уже во время этой встречи с Витте знал о реакции на свою мирную инициативу кузена Вилли. Германский император «был так поражен и возбужден этим выступлением России», что послал царю телеграмму, в которой высмеял его предложение. Супруга кайзера говорила, что он «давно ничем не был так рассержен, как этим внезапным и глупым выступлением молодого царя». Князь Гогенлоэ и Бюлов «прилагали все усилия, чтобы... не сложилось представление, что тяжело ложившееся на все народы непрерывное усиление вооружений и несомненная напряженность международного положения вызваны немецким народом» [10, с. 126].

Николая II часто упрекали в том, что на деле он вовсе не руководствовался «мирными великими идеями». Так, например, считал и С.Ю. Витте, поставивший в вину царю Японскую войну [12, с. 162]. В историографии этот «тезис» с разной степенью экспрессии муссируется до сих пор. Но в действительности даже решение захватить Порт-Артур «никогда не было бы принято, если бы Германия вдруг не захватила Као-Чао. Столь же верно и то, что длительные и мучительные дебаты вокруг вывода войск из Маньчжурии начались только после того, как Боксерское восстание вынудило царя ввести войска в северо-восточные провинции Китая» [48, с. 345, 346, 347].

Царь войны не хотел и боялся ее [41, с. 273, 282]. В дневнике за 26 января 1904 г. он с возмущением отозвался на атаку японских миноносцев: «Это без

140

объявления войны». Монарха легко понять, ведь до этого на совещании у него было принято решение не начинать войну [15, с. 192, 193]. Даже цели войны «определились в голове Николая в самом ходе войны, а не в ее начале» [41, с. 282]. Миф о «маленькой победоносной войне», чтобы предотвратить революцию и спасти самодержавие, своими корнями уходит в краткий диалог, состоявшийся между А.Н. Куропаткиным и В.К. Плеве уже после начала этой войны. Куропаткин сказал Плеве, «что он, Плеве, был только один из министров, который эту войну желал». И Плеве ему ответил: «Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война» [12, с. 291]. Ни Россия, ни царь и его министры, не желали конфликта на Дальнем Востоке. Его жаждала и развязала Япония.

Война ее с Россией была той «прямо поставленной целью», которую министр иностранных дел В.Н. Ламздорф различил еще в 1901 г. И то, что подлинным агрессором в войне 1904–1905 гг. выступила именно Япония, признается и в новейших исследованиях. Так, Окамото Сюмпэй пишет, что Страна Восходящего солнца готовилась к войне с Россией с 1895 г., чтобы «создать основу для великого континентального объединения, включающего Маньчжурию, Монголию и Сибирь как один регион» [33, с. 87]. Японии помогали, прежде всего оказывая финансовую поддержку, Англия и США. Американский президент Теодор Рузвельт и душой болел за Японию. Характерна его реакция на Цусимское сражение: «Мои искренние поздравления японскому флоту с выдающейся победой. Это величайший феномен, который когда-либо видел мир. Даже Трафальгарская битва с этим не сравнится. Я сам не поверил, когда получил первый доклад об этом. Однако когда поступил второй и третий доклады, я разволновался так, будто сам был японцем, и никак не мог приступить к делам. Я провел весь день, общаясь с посетителями о битве в Японском море, потому что я считаю, что эта битва решила судьбу Японской империи» [33, с. 164–165]. Через 37 лет президент США, теперь уже Ф.Д. Рузвельт, скажет о Пёрл-Харборе: «День несмываемого позора». Цусимские радости вышли Америке боком.

Что касается России, то «маленькой победоносной войны» у нее не получилось и нельзя было ожидать от романовской империи этого «чуда». С.Ю. Витте был убежден: «Разбита не Россия, а порядки наши...» [12, с. 412]. Российский колосс во второй раз за полстолетия наступал на грабли отсталости. Первый раз – в Крымской кампании 1853–1856 гг. Быстро индустриализовавшаяся и по-европейски вооруженная Япония, одержимо рвалась к войне и навязала ее России, подбадривая себя «слоганом»: «Или теперь, или никогда!» Его потом повторили Вильгельм II в 1914 г. и Гитлер в 1941 г. Все они ошиблись: кайзер и фюрер – катастрофически для себя.

После поражения на Дальнем Востоке войны никто не хотел. Премьер-министр П.А. Столыпин находил, что Россия слишком слаба, чтобы война не привела ее к катастрофе. И правительство в 1905–1914 гг. волей-неволей проводило политику «самопринуждения к миру». Свою роль в Боснийском кризисе Столыпин, например, не без гордости комментировал (в семье): «Сегодня я спас Россию!» [44, с. 220]. Но он мечтал о Великой России, – сильной, могучей державе и считал, что стране нужны 10–20 лет покоя, внешнего и внутреннего. Тогда бы не страшны были ей никакие враги. И «не произойди в 1914 г. европейской войны», – как писал В.А. Маклаков, – «Россия могла бы продолжать выздоравливать без потрясений» [23, с. 411]. Это признавал и В.И. Ленин: «Не будь войны, Россия могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капитализма» [20, т. 32, с. 31].

И та, и другая констатация – постфактум, уже после войны. А Николай II задолго до нее сознавал, что большая война чревата революцией и грозит самому существованию династии. Он не раз говорил, что «монархические державы должны избегать всего, что может пойти на пользу революционным элементам Европы», и «страх перед революцией... сильно владел царем» [10, с. 257, 258].

Уже поэтому император не был воинственным монархом. Посол Англии в России Дж. Бьюкенен даже наделял Николая II чертами миротворца, пекущегося о сохранении мира «совместимого с честью и интересами России» [9, с. 10].

Царь не допускал «и мысли о войне. Мы к ней не готовы» [18, с. 103]. Россия была настроена миролюбиво. И у нее не было империалистических устремлений. Бывший московский городской голова Н.И. Астров возмущался в эмиграции по поводу утверждений марксистских историков, что «буржуазия была за войну, имея в виду захватно-империалистические цели, а крупные промышленники (Рябушинские, Гучковы, Коновалов) стремились захватить власть, чтобы извлечь максималистские выгоды... Так пишется история!»³ С.В. Бахрушин, прекрасно знавший предпринимательскую элиту Москвы, как бы продолжал мысль Астрова: «Часто обвиняли буржуазные круги в том, что они хотели и готовили войну. Я не знаю, на чем основываются эти обвинения помимо априорных суждений, построенных по неверной догматической схеме. Я знаю, что московские буржуазные круги боялись войны и сознавали, в какую пучину вовлечет голодную и невежественную Россию необходимость участвовать в войне общеевропейского масштаба». Москвичи не желали «вовлечения в какую-либо международную авантюру». Бахрушин убежденно писал о «совершенно определенном миролюбии широких обществ-

3. ГА РФ. Ф. 5913. Д. 16. Л. 77.

венных кругов» Москвы⁴. Даже те их представители, которые проповедовали идеи «Великой России», вовсе не помышляли об агрессии, а мечтали о могучем государстве, способном проводить самостоятельный, независимый внешнеполитический курс, без опасения за свою судьбу. Но, как писал Бахрушин, «вихрь налетел внезапно... Москву я застал в унынии и страхе. Войны боялись, вместе с тем сознавали, что сохранение нейтральности Россией невозможно без ущерба для ее национального достоинства. Через голову Сербии вызов был брошен России... На небольшом совещании из некоторых гласных [Московской городской думы. — *В. III.*], которые собрались у Н.И. Астрова в Кредитном обществе, это двойственное настроение обрисовалось вполне. Присутствовавшие в один голос говорили о полной неподготовленности России к войне, о недостатке способных и пользующихся доверием общества генералов, наконец о полной неспособности власти к предстоящей задаче, все ловили намеки на возможное мирное разрешение конфликта и вместе с тем считали своим долгом не только поддержать правительство, если бы оно стало на путь защиты Сербии, и даже побудить его к тому...»⁵. Впоследствии Бахрушин считал такое решение проявлением ошибочной «панславистской романтики»: «Несмотря на ряд разочарований, та в высшей степени неблагодарная роль, которую играла Россия в качестве благотельницы балканских славян, несмотря, наконец, на антипатичные и низкие черты, которые по отношению к русским и друг другу успели проявить христианские народности Балкан за короткое время их свобод от турецкого владычества, в русском обществе еще далеко не погасло слащаво-романтическое отношение к судьбам “угнетенного” славянства, и далеко не изжита была в сущности искусственно созданная идея о панславистских задачах России на Ближнем Востоке и в связи с этим мечта о кресте на соборе Св. Софии в Константинополе»⁶.

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов мечтал, что Россия обоснуется на берегах Черноморских проливов, если Англия даст согласие на это. А если не даст, «то вообще воевать России не из-за чего». Но многие старшие чины в МИДе недоумевали и посмеивались над наивностью Сазонова, «думавшего в эту войну получить то, что России не удалось в течение ее тысячелетней истории» [29, с. 87]. Царский контр-адмирал А.Д. Бубнов, уже в эмиграции касаясь вопроса о проливах, отмечал, что высшие военные руководители «не включили этого вопроса в план войны, вследствие чего перед Первой мировой войной не велось для его решения никакой подготовки» [8, с. 98].

4. ЦИАМ. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 3. Л. 1об.–2.

5. ЦИАМ. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 3. Л. 4об.

6. Там же. — Л. 1.

В июльские дни 1914 г. и общественность, и «верхи» пытались погасить «бикфордов шнур», подожженный в Сараеве. П.Н. Милюков в газете «Речь» призывал «локализовать конфликт» [30, с. 42]. Царь никогда не чувствовал особенной симпатии к балканским народам: «Они стоили России много крови и денег, но Россия не встретила в ответ за это действительной благодарности и подлинной верности. Балканские народы думают только о себе, они настроены крайне эгоистично». Николай II считал, что «эти маленькие народы должны вести себя благоразумно, но, конечно, мы не можем допустить их уничтожения» [10, с. 78]. Но стремясь избежать большой войны, он предпринял интенсивные попытки направить резко обострившиеся сербско-австрийские отношения в мирное русло. Именно этим были продиктованы его обращения к Вильгельму II. Последовал обмен посланиями между монархами в период перед самым началом войны. По словам царя, «немецкий император отлично знал, что Россия хочет мира» [17, с. 258]. Незадолго до этого, в мае 1914 г. В.Н. Коковцов на вопрос Бюлова, «допускает ли он возможность войны», спокойно и твердо сказал: «Войны – нет. Если вы только нас не заставите, мы воевать не будем» [10, с. 328].

Все было именно так: Россия войны не хотела, – ни царь, ни народ, но ее заставили воевать [54, с. 337, 339]. Вильгельм II и его генералы решили, что пока Россия не окрепла, далеко не закончила модернизацию армии и флота, «Германия выйдет победителем». Кайзер заявил: «Теперь или никогда» [46, с. 44, 45]. И объявил войну. У матери Вильгельма не зря однажды сорвалось с языка: «Мой сын будет причиной гибели Германии» [10, с. 59]. А Гаврило Принцип, перед смертью в 1918 г., на вопрос тюремного психиатра о том, «сожалеет ли он, что его поступок вызвал войну и гибель миллионов людей, ответил: если бы я не сделал этого, немцы нашли бы другой повод» [46, с. 43]. Скорее всего, так и было бы, если они решили, что необходимо незамедлительно воспользоваться тем перевесом сил, который был на их стороне. И победа над Россией казалась им тем более гарантированной, что они ожидали революционного взрыва в России, как только там будет объявлена мобилизация. Германский посол в России Пурталес был уверен, что такой взрыв неминуем [9, с. 139].

Но царя и его правительство пугал набирающий силу пангерманизм, о приверженности которому открыто заявляли кайзер, канцлер Бетман-Гольвег и многие другие сановники Второго рейха, воинственно противопоставлявшие пангерманизм славянству [18, с. 188–189; 43, с. 196]. Перед войной и в ходе нее он стал основой агрессивной политики Германии. Планы территориальных захватов на Востоке были безбрежны. Захваченные земли предполагалось очистить от местного населения [32, с. 8, 11]. Поэтому в разговоре с послом Франции М. Палеологом главной целью войны царь назвал «уничтожение германского милитаризма, конец того кошмара, в котором

Германия нас держит вот уже больше сорока лет». Визит Пуанкаре в Петербург в июле 1914 г. имел целью укрепить прежде всего военные договоренности с Россией. И вступая в войну, царь был уверен в скорой победе, как и новоиспеченный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич, который своей задачей ставил «поход на Берлин» [36, с. 127, 132]. Мираж быстрой победы рассеял их страх, что война может привести к революции.

А Германия давно шла к войне. После Садовой и Седана, объединенная Бисмарком, она уже в 1880-х годах, развиваясь вполне «по лекалу» Ф. Листа, встревожила даже «туманный Альбион» своим бурным «спуртом» промышленности и торговли. И уже в конце XIX – начале XX в. готовилась силой добыть себе мировое лидерство, если не мировое господство. Вильгельм II писал, что Германия стремилась «получить нужное ей», когда «Англии уже принадлежит почти весь мир» и самое укрепление и усиление Германии было необходимо, по его словам, «для состязания на мировом рынке» [11, с. 50, 126]. И главным препятствием на пути к лидерству виделась именно Англия с ее могучим флотом и колониальными владениями в четверть земной суши. Началась гонка вооружений, состязательная лихорадка в строительстве dreadnoughtов. Кайзер и его адмиралы, прежде всего Тирпиц и Зенден, строили гигантский флот и ждали момента: когда он будет готов, «мы с Англией поговорим серьезно» [10, с. 67].

Под аккомпанемент заявлений «об обороне», «допустимом риске» перевооружалась армия, строились стратегические пути сообщения, укреплялся союз с Австро-Венгрией, шла проба сил – «бронированного кулака», активизировалась дипломатическая деятельность, в том числе и на российском направлении, настойчиво продвигались имперские интересы, которые сталкивались с интересами Англии и Франции, о чем свидетельствовал ряд острых кризисов в международных отношениях, чреватых большой войной.

Назревавшая война отнюдь не была «творением» только «нового капитализма». В этом «модернистском полотне» был и явственный след уходящей имперской эпохи, и революционные, смешанные «краски» будущего. Порой за «империалистическими» чертами войны угадывался «стиль» имперских традиций. Вильгельм II, например, писал, что он «следовал традициям» своего дома: «Прусские короли не гнались за космополитическими фантазиями, а считали, что страна может благополучно преуспеть лишь тогда, когда реальная сила защищает ее промышленность и торговлю». Поэтому во многих своих приказах призывал держать «меч наготове». А в конце концов первым и бросил его на весы истории. Он сделал это не только из-за столкновения «империалистических интересов». Его больше вдохновляла «идея германизма во всем ее величии», «подлинно немецкий дух» [11, с. 128, 129, 152]. По словам кайзера, его «особым доверием пользовался профессор Шиман – прямолинейный балтиец и передовой борец за германизм в противовес

панславизму, проницательный политик и блестящий историк и писатель». Император «постоянно привлекал его в качестве советника», и профессор часто бывал у него в доме, сопровождал монарха в поездках. Вильгельм II часто делился с ним «важными секретными материалами о неизвестных еще никому политических событиях» и признавал совпадение их политических взглядов», в частности и на Россию [11, с. 136, 137]. Характерно в этой связи, что первой страной, которой Германия объявила войну в 1914 г., была Россия, – уже 1 августа этого года, в то время как Австро-Венгрия, «пострадавшая сторона» в сараевском инциденте, – сделала это только 6 августа.

В «пангерманизме» Вильгельма II, как и в восхвалении им «немецкого духа», проявлялся и старый дух тевтонов, перешедший через кайзеровскую Германию в Третий рейх вместе с политикой «Дранг нах Остен». Старым захватническим целям была подчинена развитая промышленность, достижения науки и техники. Вильгельм II с пафосом отмечал в мемуарах: «Где только мог, я работал над совершенствованием нашего вооружения и заставлял машины служить армии». И с гордостью добавлял: «Можно сказать без преувеличения, что германская армия, выступившая в поход в 1914 году, представляла собой инструмент, не имевший себе равного». Вот почему кайзер не боялся войны на два фронта. Германия, кичливо говорил он, «справится с обоими противниками» [11, с. 45, 154, 155]. И он боготворил «гениальных» Шлиффена и Мольтке, полностью одобрил план молниеносной войны. Кайзер давно видел себя в роли «адмирала Атлантики» и чуть ли не повелителя мира [10, с. 234]. Во всяком случае, в стане противников Германии утверждалось, что она стремится «реализовать свою мечту о мировом господстве» [16, с. 58]. Антанта воевала и за то, чтобы «Гогенцоллерны никогда больше не могли претендовать на всемирную монархию» [36, с. 86].

«Злейший враг» Германии – Британская империя, приобретшая большинство своих колоний задолго до «периода империализма», стремилась сохранить свое могущество под скипетром одной из старейших монархий Европы. Но ее короли только царствовали, а не правили. Викторианская старая добрая Англия представляла вожаемый образец демократии для многих либералов. В отличие от Германии, где Вильгельм II «правил».

Но в «оболочке» его империи, при автократическом режиме развивались капитализм, рабочее движение, социал-демократия. Яркое выраженный «тренд» – личное управление Вильгельма II, опиравшегося при проведении внутренней и внешней политики на «консерваторов», вызывал недовольство в стране, особенно социал-демократов. Этот перманентный ропот беспокоил уже Бисмарка, опасавшегося, что в случае войны между империями монархам будет угрожать серьезная опасность. О том же в 1904 г. говорил канцлеру Б. Бюлову и С.Ю. Витте: «Война между Россией и Германией поведет к возможному падению Гогенцоллернов и к несомненному падению Романовых

и послужит только на пользу революции». В корень смотрел сам Б. Бюлов: «При тех условиях, которые постепенно складываются во всем мире, во внешней и внутренней политике, война является рискованным делом для всякой монархии» [10, с. 274, 74].

Вильгельм II, Николай II, Франц Иосиф отчетливо сознавали связь войны и революции, и призрак последней страшил их. Готовясь к войне, кайзер намеревался «зачистить» страну от социалистов. Еще за десять лет до нее, он доверительно писал своему канцлеру: «Сначала перестрелять, обезглавить и обезвредить социалистов, если нужно, путем кровопролития, и тогда внешняя война, но не раньше, и не *a tempo!*» Касаясь законодательства против революции, император полагал, что можно «тяжелыми наказаниями» отпугнуть рабочих от забастовок, бойкотов и т.п., чтобы проступки социалистов карались бы тюремным сроком не меньше, чем десять лет». Он находил, что это «скоро даст результат» [10, с. 87, 315].

«Зачистка» не удалась, но Вильгельм II решился начать войну: он надеялся избежать революции, достигнув быстрой и решительной победы Германии и Австро-Венгрии над Антантой. Но четыре года войны, «козни внутренних и внешних врагов» сломили Германию и ее союзников. «Только война, и особенно несчастная для нас война, могла вызвать у нас революцию и таким образом помочь социал-демократии вскочить в седло», – расстроено вспоминали Вильгельм II и его сановники [10, с. 89; 11, с. 153, 186–195].

Удивительно, но ни кайзер, ни другие низвергнутые венценосцы того времени не сознавали, что *causa in sui* – дело в них самих, в авторитарной системе управления, давно не отвечавшей вызовам времени и порождавшей «внутреннего врага» (массовые движения и деятельность либералов и революционеров). Однако монархи в деле реформ проявили себя большими кунктаторами, которые мало что уступали обществу из своих прерогатив. Такое отношение к реформам высоко вздымало волны общественного негодования. В Германии люди требовали ограничения «автократических, самодержавных вожделений» Вильгельма II [10, с. 82–84]. Ни для кого не было секретом, что уже при Бисмарке «императорская власть расширялась и крепла с каждым годом» [22, с. 69]. Не так уж был далек от истины К. Маркс, когда характеризовал новогерманский рейх как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм.

Даже бюрократы из ближайшего окружения кайзера признавались, что Бисмарк, создавая империю, предусмотрел слишком много власти для германского императора и слишком мало влияния предоставил парламенту. Монарх не желал перестраивать политику в либеральном и парламентском духе, «не дал перейти к более парламентской системе управления, возлить

побольше демократического еля на голову нашей матери Германии», не допустил «вполне целесообразной эволюции» [10, с. 530–534].

Вильгельм II и не скрывал, что он был близок по своим традициям к консерваторам и почти так же как они, был несговорчив [11, с. 83, 84]. Свой идеал он видел в системе управления «через посредство личных кабинетов в чистом виде». Император предпочитал решать все военные дела через свой военный кабинет, хотя бы даже наперекор военному министру и генеральному штабу. Флот он хотел строить при содействии своего морского кабинета и потом распоряжаться им всецело по своему усмотрению, внутреннее же управление осуществлять гражданским кабинетом. Бюлов не сомневался: «Во время войны это хозяйничанье при помощи кабинетов, несомненно способствовало нашему поражению». Неудивительно, что при Вильгельме II обнаружилась слабость монархического образа правления. Мировую войну «можно вести лишь при полной поддержке широких масс» и создав коалиционное правительство как во Франции, Англии, Бельгии, Италии, которое бы провело Германию через всю войну [10, с. 67, 534, 517].

В экстремальных условиях небывалой еще в истории войны, в которой участвовали десятки миллионов людей, анахронизм «старого режима», авторитарных империй стал особенно очевиден. На почве недостатков государственного управления, поражений на фронтах и все увеличивавшихся тягот войны росло массовое недовольство, которое «докипело» до революционного взрыва. И тут сказал свое слово «человек с ружьем»: «фирменная» примета мировой войны, – миллионные армии. В них проник вирус революции. И рухнули троны, и пали империи. Двойного удара – извне и изнутри – они не выдержали.

Лаконичный и точный вывод в отношении Австро-Венгрии делает современный исследователь И.И. Черников: «Империя пришла к своему логическому концу. Она не выдержала борьбы на два фронта – со своими подданными и окружающим миром. Не умея и не желая изменить свое государственное устройство, империя рухнула» [52, с. 556]. Предвестником подобного финала была и массовая сдача в плен, иногда целыми полками, в которых преобладали славяне. Национальное движение в этой империи набрало такую силу, что ее «лоскутное одеяло» разлетелось «по швам».

Война обманула и ожидания стран «Сердечного согласия». Она оказалась вовсе не «молниеносной», а пришла всерьез и надолго, завязла в окопах, в которых сидели многомиллионные армии, требовавшие гекатомбы вооружений, амуниции, продовольствия, напряженной работы всего тыла. Впервые в истории фронт и тыл стали по сути единым гигантским организмом. Много чего в войне 1914–1918 гг. было впервые, и чего не предвидели все правительства и генеральные штабы: роль военной техники (авиации, танков, тяжелой артиллерии, пулеметов и т.д.), появление оружия массового пораже-

ния, мясорубки многомесячных позиционных сражений на фронтах, протяженностью в тысячи километров и т.д. И конечно, они не предполагали «цепной реакции» распространения войны на весь мир и беспрецедентных в истории войн потерь – не только солдат и офицеров, но и гражданского населения, а также ошеломляющих последствий войны для всего человечества. Многие генералы вступили в войну с багажом старых представлений о характере предстоящего «европейского» конфликта. Но это уже была обескураживающая всех, новая, глобальная война. Россия, как и союзные с ней государства, «начала мировую войну, не предвидя ее колоссального масштаба» [24, с. 619].

Мировая война породила и великую революцию в России. А началось все почти идиллически: с патриотических манифестаций и «единения царя с народом». Но это «поветрие» быстро прошло, почти не оставив следа. Неготовность страны к войне, неэффективность военного и гражданского управления оборачивались катастрофической нехваткой вооружения и боеприпасов, тяжелыми поражениями и огромными людскими потерями. «Особенно больным местом» боевого снабжения было обеспечение артиллерии боевыми припасами. Опыт войны показал, что потери пехоты от артиллерийского огня доходили до 75% и в среднем почти в 3 раза превышали потери от ружейного и пулеметного огня [4, с. 398, 405]. Даже Николай II был потрясен «нашими страшными потерями», «массой могил наших солдат». И Александру Фёдоровну сильно тревожили «эти постоянные огромные потери» [37, с. 135, 163, 192]. За время войны они составили (с учетом всех видов потерь) более 9,3 млн человек (60,3% от численности армии), что превышало потери всех союзников России вместе взятых [42, с. 90–95]. Такая убыль личного состава происходила и из-за недостаточной выучки высших военачальников. Отсутствие полководческого профессионализма явилось «одним из главных факторов стратегических неудач императорской армии» [39, с. 369]. По словам начальника штаба Ставки генерала В.И. Гурко, «назначения на наиболее ответственные и важные посты производились по самым различным причинам, самой последней из которых по значимости являлась пригодность назначаемого лица» [14, с. 24]. А такие назначения были прерогативой царя.

Гражданские распоряжения военных властей (выселение жителей, эвакуация предприятий и др.) сыграли «значительную роль в развале общего строя государства», имели «серьезное значение для успеха революции» [19, с. 183]. Нашли козла отпущения – военного министра В.А. Сухомлинова. Сфабриковали «дело Мясоедова». Шпиономания и «борьба с немецким засильем» бумерангом ударила по высшим сферам [21; 51]. Сама царица признавала это, говоря, что «у нас теперь мания на шпионов» [37, с. 177]. Жан-дармский генерал В.Г. Курлов считал, что сухомлиновское дело принесло «неизгладимый вред» не только «престижу власти, но и авторитету самого

государя императора». Оно было даже более опасно для династии, «чем легенда о Распутине» [19, с. 200]. Имя Распутина сделалось в стране одиозным и роняло авторитет царской семьи. Но он и без того стремительно падал. Неудачи на фронте, где солдаты не понимали за что воюют и во имя чего приносят неисчислимые жертвы, нарастающая разруха в тылу (коллапс на железных дорогах, топливный голод, сбои в работе промышленности, дефицит товаров первой необходимости, вакханалия спекуляции, дороговизна и т.д.), произвол бюрократии и полная неспособность власти справиться с трудностями военного времени, «министерская чехарда», препоны в деятельности общественных организаций, вызывали недовольство в стране, «мишенью» для которого все чаще становились олицетворяющие власть правящий монарх и «немка» – Александра Фёдоровна.

Поползли слухи об измене, о «темных силах», свивших гнездо чуть ли не в царских чертогах. Разногласия власти и общества приобретали все более острый характер. Уже в 1915 г. некоторые либералы считали, что «главная беда в Николае II... Страна в таком положении победить не может...» [40, с. 153–154].

Антидинастические настроения широко разлились во всех слоях населения. Ореол царского имени поблек, потускнел и исчезал. Разочарование сменялось недоумением, недоумение убийственным равнодушием. От верховной власти уже ничего не ожидали, никаких надежд с ней не связывали. В конце 1916 г. положение в стране стало критическим. В это время будущий глава Временного правительства Г.Е. Львов говорил в узком кругу единомышленников: «На фронте – ужас... Многие части требуют удаления царя... При дворе – недовольство... Требуют удаления Распутина... В Думе требуют удаления министров. Все чувствуют необходимость смены правления, – корня всех дел...»⁷. Налицо был «кризис власти, которую все ищут и которая не умеет быть тем, чем она должна быть... власть не умеет отказаться от пустяков, ничтожных причуд и прихотей прошлого. Эти суетные мелочи губительны для будущности России, для самой власти и тем не менее выхода нет. В этом весь ужас нашего положения; с одной стороны, огромная задача ведения мировой войны и еще более трудная задача заключения мира, а с другой – беспомощный капрал, расстроенное и больное воображение»⁸. Но, как отмечал бывший офицер русской гвардии, будущий президент Финляндии К.А. Маннергейм, «царь хотел править лично, без помощи нации» [25, с. 63]. Многие уже предвидели возможность низвержения царя. Любимец Николая II Н.А. Маклаков говорил о нем: «Погибнуть с этим человеком можно, а спасти

7. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 524. Л. 24об.

8. Там же. – Ф. 670. Оп. 1. Д. 335. Л. 1–2.

его нельзя» [1, с. 121]. Теперь и в российской историографии высказывается мнение, что романовская империя потерпела крушение прежде всего «из-за личностного фактора», – неспособности Николая II «адекватно среагировать на вызовы времени и вывести страну из кризисной ситуации» [55, с. 372, 374]. И союзники России понимали, что она «созрела для революции» [7, с. 228].

Политическая деятельность либералов имела целью предупредить и предотвратить катастрофу. Они были между властью и группами, готовившими революцию и участвовали в создании сил, противоборствующих революции. Но, как считали многие из них, это предполагало и оппозицию власти уже потому, что «анархия начиналась в стране сверху»⁹. Порой некоторые их лидеры пускались в исторические аналогии: «После севастопольского грома пало русское рабство. После японской кампании появились первые ростки русской конституции. Эта война приведет к тому, что в муках родится свобода страны, она освободится от старых форм и органов власти» [34, с. 9]. Они «дозрели» до требования «ответственного министерства» и даже готовы были участвовать в дворцовом перевороте, хотя умеренные либералы шиповского склада, «признавая вместе со всеми, что главная вина всего ужаса, нами переживаемого, на стороне государственной власти», тем не менее считали, что общество «вступает на путь, который грозит страшными бедствиями нашей стране и торжеству нашему над врагом»¹⁰.

Для власти «внутренний враг», революционеры и либералы, становился опаснее внешнего, и ей приходилось вести борьбу на два фронта. Но было уже поздно. Февраль 1917 г. низверг царскую власть. По признанию самих либералов, они «сыграли видную роль в деле освобождения от самодержавия» [3, с. 1]. В либеральных кругах возобладала тенденция к захвату политической власти без учета всех возможных последствий. И никто не встал на защиту последнего царя, даже ближний круг генералов во главе с М.В. Алексеевым. Монарх отрекся от трона, записав в дневнике: «Кругом измена и трусость, и обман!» [35, с. 34]. А в солдатской массе, уставшей от войны, доминировало настроение: «Время царей прошло, а наше время настало» [45, с. 325].

Временное правительство оказалось калифом на час. Война его породила, и война его убила. Квинтэссенция политики львовско-керенских кабинетов: «Война до победного конца!» стала фатальной для него. По словам Гинденбурга, «началась агония российской военной мощи». В стране «бурлит геенна огненная. Возможно, она выгорит дотла» [13, с. 245, 246]. В этой стихии триумфаторами стали большевики с их лозунгом «Долой войну!»

9. ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.

10. ОР РГБ. Ф. 440. К. 8. Ед. хр. 7. Л. 23об.–24об.

и социальными обещаниями. Конкурировать с большевизмом по линии его упрощенного представления о будущем Временному правительству было невозможно, бороться же с большевиками, не опираясь на те круги, которым, несмотря на сознательное приятие революции, было все же жаль старой России, было ему непосильно [45, с. 321–322]. Война вытолкнула к власти большевиков с их коммунистической идеологией.

Война определила и уродливое развитие Германии: ее поражение и версальские обиды наряду с трансформированным пангерманизмом и социальной демагогией стали тем коконом, в котором вызрел нацистский режим, в 1933 г. оказавшийся у власти и взявший курс на установление мирового господства.

Единственной страной, которой война была во благо, оказались США: на них пролился золотой дождь военных заказов, в том числе и царской России, поистине новое Эльдorado. Штаты беспрецедентно быстро развили свою экономику и из страны-заемщика превратились в мирового банкира. Создали мощную армию и флот. И по сути, заявили претензию на мировое лидерство. Политика «открытых дверей» и насаждение «демократии» стали инструментами их экспансии.

Не дремал и СССР, он мечтал о торжестве коммунизма во всем мире. У всех этих держав был свой «идеал» устройства миропорядка. И они боролись за него. И самой острой фазой этой идеолого-геополитической борьбы стала Вторая мировая война, открывшая глаза государствам и народам на реальную опасность их самоуничтожения.

Смысл Первой мировой войны состоит, таким образом, в предостережении человечеству, что в условиях глобализации война истощила свой исторический ресурс, ибо угрожает самому существованию современной цивилизации, и попытки строить новый миропорядок на гегемонизме держав и блоков могут иметь губительные последствия для народов.

Но этот смысл, внешне понятный и никем не оспариваемый, еще требует глубокого внедрения в сознание и мышление людей на всех уровнях. Общественное сознание не поспевает за быстрым ходом истории. Необходима метанойя, сдвиг в умах. Об этом в последний, кламарнский, период своего творчества предупреждал Н.А. Бердяев: «Победа над злом войны, как и вообще над злом, предполагает радикальное изменение человеческого сознания, преодоления объективации как ложного направления сознания» [5, с. 12]. И это был радикальный отход от того, что он исповедовал в дореволюционные времена: человек осознает зло войны, но понимает ее неизбежность в истории [5, с. 8]. Такая эволюция вселяет оптимизм: ее может претерпеть и сознание наших современников.

Литература

1. Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. – Париж, 1959. – 260 с.
2. Ананьич Б.В. Ганелин Р.Ш. От составителей // Николай II: Воспоминания. Дневники. – СПб., 1994. – С. 5–20.
3. Астров Н.И. Доклад Главного комитета Всероссийского союза городов об организации Союза. – М., 1917. – 7 с.
4. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. IV. – М., 1948. – 420 с.
5. Бердяев Н.А. Грех войны. – М., 1993. – 272 с.
6. Бердяев Н.А. Злая воля и разум истории // «Биржевые ведомости» № 15278, 16 декабря 1915 г.
7. Берти Ф. За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже, 1914–1919. – М., 2014. – 400 с.
8. Бубнов А.Д. В царской Ставке. – М., 2008. – 272 с.
9. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. – М., 1991. – 344 с.
10. Булов Б. Воспоминания. – М., Л., 1935. – 564 с.
11. Вильгельм II. События и люди 1878–1918: Воспоминания. Мемуары. – Мн., 2003. – 464 с.
12. Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960. – 640 с.
13. Гинденбург П. Из моей жизни. – М., 2013. – 336 с.
14. Гурко В. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. – М., 2007. – 399 с.
15. Дневники императора Николая II. – М., 1991. – 640 с.
16. Извольский А.П. Воспоминания. – М., 1989. – 192 с.
17. Клей К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. – М., 2009. – 320 с.
18. Кокорцов В.Н. Воспоминания. Из моего прошлого. Т. 2. – М., 1992. – 456 с.
19. Курлов В.Г. Гибель императорской России. – М., 1991. – 255 с.
20. Ленин В.И. ПСС. – М., 1958–1964.
21. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных в годы Первой мировой войны». – М., 2012. – 304 с.
22. Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн: Вильгельм II. – М., 1991. – 238 с.
23. Маклаков В.А. Из воспоминаний. – Нью-Йорк, 1954. – 411 с.
24. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. – М., 1937. – 720 с.
25. Маннергейм К.Г. Мемуары. – М., 1990. – 576 с.
26. Манфред А.З. Образование русско-французского союза. – М., 1975. – 376 с.
27. Милотин Д.А. Дневник. Т. 1. 1873–1875. – М., 1947. – 255 с.
28. Мировые войны XX века. – М., 2002. – Кн. I: Первая мировая война. – 686 с.
29. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: В 2 кн. – Кн. I. Август 1914 г. – октябрь 1917 г. – М., 1993. – 520 с.
30. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. – М., 2012. – 1111 с.
31. Носков В.В. «Война, в которую мы верим»: Начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война: Материалы Международного colloquium. – СПб., 1999. – С. 326–339.
32. Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке. – М., 1947. – 240 с.
33. Окамото Сьюмпэй. Японская олигархия в Русско-японской войне. – М., 2003. – 319 с.

34. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – СПб., 1991. – 644 с.
35. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. – М., 1990. – 253 с.
36. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. – М., 1991. – 239 с.
37. Переписка Николая и Александры. – М., 2013. – 928 с.
38. Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. – СПб., 1906. – 177 с.
39. Порошин А.А. Проигравшие победители. Русские генералы. – М., 2014. – 443 с.
40. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1915–1920 гг. – М., 1997. – 590 с.
41. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. – М., 1955. – 695 с.
42. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. – М., 2010. – 624 с.
43. Сазонов С.Д. Воспоминания. – М., 1991. – 400 с.
44. Солженицын А.И. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах. Узел I: Август Четырнадцатого. – М., 1993. – 544 с.
45. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. – СПб., 1994. – 651 с.
46. Стоун Н. Первая мировая война: Краткая история. – М., 2010. – 219 с.
47. Струве П.Б. Суд истории // «Русская мысль». – М., 1914. – Кн. VIII–IX. – С. 168–179.
48. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. – М., 2009. – 421 с.
49. Трубецкой Е.Н. Смысл войны. Вып. I. – М., 1914. – 48 с.
50. Франк С. О поисках смысла войны // «Русская мысль». – М.: 1914. – Кн. XII. – С. 125–132.
51. Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. – М., 2009. – 376 с.
52. Черников И.И. Гибель империи. – М., СПб., 2002. – 640 с.
53. Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. I. – М., 1991. – 592 с.
54. Шацкило К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. – М., 2000. – 399 с.
55. Шелохаев В.В. Основной фактор крушения Российской и советской империй // Тысячелетняя история России: Проблемы, противоречия и перспективы развития. – М., 2004. – С. 371–376.